

Праздничными утопийцы считают начальный и последний день каждого месяца, а также год, который они делят на месяцы, ограничивая их обращением Луны, равно как год определяют они круговоротом Солнца. Первые дни они на своем языке называют цинемерными, а последние – трапемерными. Эти слова имеют такое значение, как если бы мы перевели "первые праздники" и "конечные праздники".

Храмы выглядят замечательно, оттого что они не только весьма искусно построены, но и способны вместить великое множество народа: при таком малом их количестве это необходимо. Все они, однако же, темноваты. Утопийцы говорят, что это сделано не от неумения строить, а по совету священников, так как они полагают, что неумеренный свет рассеивает мысли, а скудный, как бы неясный, сосредоточивает души и усиливает благочестие.

При том что в Утопии не у всех одна и та же религия, все ее виды, несмотря на их разнообразие и множество, неодинаковыми путями как бы стекаются к единой цели – к почитанию божественной природы. Поэтому в храмах не видно и не слышно ничего, что, казалось бы, не подходит всем вообще. Если у какой-либо религии есть свой, присущий ей обряд, то каждый исполняет его в стенах собственного дома; общественные богослужения свершаются таким образом, чтобы они вообще не противоречили ни одному из частных. Поэтому в храме нельзя заметить никаких изображений богов, и каждый в высочайшем благочестии волен представлять себе Бога в каком угодно виде. Они не обращаются к Богу, называя Его каким-нибудь особенным именем, кроме Митры. Под этим именем они единодушно признают единую природу божественного величия, какой бы она ни была; утопийцы не творят никаких молитв, которых не мог бы произнести любой человек без поношения своей веры.

И вот, в конечные праздники сходятся они, постившиеся до вечера, в храм, чтобы возблагодарить Бога за то, что благополучно прошел год или месяц, последним днем которого и является этот праздник; на следующий день (ибо это первый праздник), утром, они стекаются в храмы, чтобы помолиться всем вместе с благополучном и счастливым ходе наступающего года и месяцы, который они собираются начать этим праздником.

В конечные праздники, перед тем как отправиться в храм, жены бросаются в ноги мужьям, дети – родителям. Они признают, что согрешили, сделав что-нибудь или небрежно исполнив свой долг, и молят о прощении за проступок. Таким образом, если и нависало какое-нибудь облачко домашнего раздора, то от такого извинения оно рассеивается, и они могут участвовать в богослужении с чистой и ясной душой. Участвовать же в нем в смятении святотатство. Поэтому те, которые сознают за собой ненависть или гнев против кого-нибудь, в страхе перед быстрым и грозным отмщением идут на богослужение только после примирения и очищения.

Когда приходят в храм, то мужчины идут в правую его часть, а женщины отдельно, в левую. Потом они располагаются так, что из каждого дома люди мужского пола садятся впереди отца семейства, а мать семейства заключает ряд женщин. Так они заботятся о том, чтобы вне дома за всеми движениями у всех следили те, чья воля и власть правят ими дома; они также усердно наблюдают за тем, чтобы младший повсюду сидел рядом со старшим, чтобы дети, доверенные детям, не проводили в детских забавах то время, в которое им надлежит проникаться священным страхом к всевышнему, потому что это главнейший и почти единственный путь к добродетели.

Никаких животных на богослужении утопийцы не закалывают, и они не считают, что божественное милосердие, которое в щедрости Своей даровало людям жизнь для жизни, радуют кровь и убийства. Они возжигают ладан, а также другие благовония и к тому же приносят множество восковых свечей не по причине незнания того, что это, равно, как и самые молитвы людей, ничего не прибавляет к природе божества, но им нравится такой безвредный род поклонения, и они чувствуют, что эти запахи и освещение, а также прочие обряды, не знаю почему, возвышают людей и побуждают их с большей радостью поклоняться Богу.

Народ в храме одет в белое платье. Священник надевает многоцветное, удивительное по выделке и виду; материя же не слишком дорогая. Не золототканая, не изукрашена она редкими камнями, но сработана из разных птичьих перьев столь умело и с таким искусством, что стоимость работы невозможно сравнить ни с какой ценной материей. К тому же в пухе и перьях этих пернатых, а также в том определенном порядке, в каком располагаются они на облачении священника, утопийцы говорят, содержится некая сокровенная тайна; истолкование ее (оно тщательно передается священнослужителями) должно напоминать им о божественных благодеяниях и, наоборот, об их собственном благочестивом отношении к Богу, а также об их долге друг перед другом.